

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/23062061/22/4

Н.В. Проданик

ФЕНОМЕН ЧТЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ 1800–1830-х гг. И МЕТАФОРЫ «КНИГА-ДРУГ», «КНИГА-СОБЕСЕДНИК»

***Аннотация.** В статье рассматривается, как специфика культурной эпохи 1800–1830-х гг., ее тяготение к звучащей речи отразились на природе чтения и на метафорике книги. Историко-литературный, герменевтический и культурологический методы, применяемые при анализе творчества поэтов пушкинского круга и поэтов-декабристов, позволяют сделать вывод, что нередко чтение «про себя» в начале века осмыслялось в категориях устной речи: представляло собой беседу читателя с автором. Накануне декабрьского восстания и сразу после него ценности книги и свободного диалога с текстом лишь возросли. В связи с этим в русской лирике пушкинской поры, а более всего в поэтическом наследии, письмах и дневниковых заметках декабристов заявляют о себе метафоры «книга-собеседник / наставник / учитель», «книга-друг».*

Ключевые слова: П.А. Вяземский, В.К. Кюхельбекер, А.С. Пушкин, декабристы, метафоры «книга-друг», «книга-собеседник», интонированные читательские практики.

В русской романтической культуре 1790–1820-х гг. письменное слово и устная речь заключили удивительный союз: произнесенное вслух, печатное слово стало важной составляющей жизни общества. В светских литературных салонах, философско-поэтических кружках, на дружеских пирушках гости знакомились с книжными новинками; тексты виртуозно декламировали чтецы, а в некоторых случаях и сами авторы [1. С. 31–35; 2. С. 75–78]. Устная речь представляла своеобразной благодатной «почвой» для речи письменной. А.С. Пушкин говорил: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре...» [3. Т. 6. С. 178]. Он, призывая

А.А. Бестужева «взяться за роман», советовал писать «со всею свободою разговора» [3. Т. 6. С. 203–204]. Не только романы воссоздавали стихию разговорной речи и потому легко прочитывались вслух, но и вся российская культура того периода была ориентирована на разговор; У.М. Тодд об этом времени писал следующее: «Бытовое поведение, нравственные идеалы, характер социальных связей, политическая деятельность и литературная жизнь <...> проистекают из ориентации <...> на разговор» [4. С. 39].

Особую роль в преумножении устно словесных элементов эпохи: эмоциональных высказываний об идеальном устройстве общественной жизни, гневных речей, пафосных обличений – сыграли декабристы. Как говорил Ю.М. Лотман, их поведение было прямо ориентировано на звучащую речь: «От момента зарождения движения <...> до трагических выступлений перед Следственным комитетом декабристы поражают своей “разговорчивостью”, стремлением к словесному закреплению своих чувств и мыслей...» [5. С. 334].

Казалось бы, романтическая эпоха, настаивающая на доминанте индивидуального, интроспективного начал в человеке, должна была приоритетно склоняться к внутренней речи, а потому ценить чтение «про себя». В этой связи, как справедливо полагал М. Лайонс, на смену коллективному чтению-слушанию должно было прийти чтение индивидуальное [6. С. 414]. Подчиняясь этой логике, можно предположить: опасные убеждения, остро либеральный круг чтения декабристов должны были подталкивать их к тайному общению (только в присутствии «своих») и к молчаливому чтению, а не к открытому разговору или декламации. Однако о специфике этого этапа культуры Ю.М. Лотман говорил обратное: «Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь: разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди, гневные филиппики – играла бы такую роль» [5. С. 334].

В ситуации повышенного интереса к звучащему слову, на наш взгляд, необходимо проанализировать, что происходит с культурой письменной, в частности с культурой чтения. Задачный ряд нашей статьи представлен тремя взаимосвязанными вопросами: как увеличение звукового элемента в жизни общества сказалось на читательских практиках – процессе чтения книги? Какие библиометафоры вошли в поэтический словарь того времени и какова их семантика?

Говоря о читательских практиках в России начала XIX в., отметим, что поэты пушкинского круга порой иносказательно утверждали: они не читали книгу, а напрямую «беседовали» с Овидием, Горацием, Парни, Карамзиным (здесь и далее курсив мой. – Н.П.):

Пускай веселы тени
Любимых мне певцов <...>
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..<...>
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин <...>

(К. Батюшков. «Мои пенаты») [7. С. 79].

Конечно, в дружеском послании Батюшкова речь идет о чтении, но заметим, что процесс этот понимается как озвученный диалог читателя с автором: Батюшков говорит – «беседовать», т.е. отзываться на поэтические реплики и обмениваться мыслями с авторами книг; он упоминает «хор» голосов: лирический герой словно слышит многоголосие мировой культуры, для него российские поэты – часть общего «хора». Напомним, именно с оглядкой на греческую мифологию русскую поэзию 1810–1820 гг. называют поэзией золотого века, для лириков того времени слышание голосов греческих и римских авторов, отзыв на их голос – это и есть метафорические выражения «эха» – античного наследия, отозвавшегося в русской литературе.

Среди авторов читаемых текстов было, действительно, много античных имен: Гомер, Гораций, Вергилий стояли на книжной полке каждого просвещенного человека той эпохи [8. С. 113]. Круг чтения, конечно, не ограничивался одними античными именами, возросшая ценность книги в судьбе человека знаменовала его интерес к мировому литературному наследию всех эпох и подчеркивалась метафорами «книга-друг», «книга-собеседник, наставник». Например, целый перечень метафорических определений книги дает в стихотворении «Библиотека» П.А. Вяземский: «В хранилище веков, в святыне их наследства / Творцов приветствую, любимых мной из детства, / Пу-

теводителей, наставников, друзей...» (П. Вяземский. «Библиотека») [9. С. 162]. Пушкин вторит старшему товарищу: описывая простенькую библиотеку своего кабинета, в дружеском послании «Городок» он тоже говорит о книгах как о нескудных *друзьях*: «Один я не скупаю / И часто целый свет / С восторгом забываю. / Друзья мне – мертвецы, / Парнаасские жрецы; / Над палкою простою / Под тонкою тафтою / Со мной они живут» (А. Пушкин. «Городок») [3. Т. 1. С. 335]. Апеллируя к авторам книг из своей библиотеки, Пушкин прибегает к акустическим характеристикам: о Вольтере говорит «Фернейский злой *крикун*», о Лафонтене – «*певец* любезный» [Там же. С. 335–336]. Дружеские послания Батюшкова, Пушкина запечатлели уединение и одновременно шумный пир избранных, М. Виротайнен видит в том выражение «добайроновского» индивидуального сознания, которое «зная свою <...> несхожесть с другими, не только уживается в общем культурном пространстве, но и нуждается в нем как в обосновании собственного бытия» [10. С. 63]. В таком случае чтение как слышание голоса другого поэта становится условием дружбы, которая соединяет людей и преодолевает границы эпох и пространств.

В семантике, близкой к разговору и диалогу с собеседником, решает П.А. Вяземский свое чтение трудов «красноречивого» Вольтера, русский поэт признается: «...каюсь: я люблю с тобою рассуждать...» (П. Вяземский. «Библиотека») [9. С. 162–163]. Как и его современники, Вяземский тоже вступает в своеобразный звуковой диалог с книгой: рассуждает вместе с Вольтером (П. Вяземский. «Библиотека»), слышит голос Байрона «как гул грозы далекой» (П. Вяземский. «Байрон») [Там же. С. 171–172].

За объяснением любви русских поэтов к тональному общению с текстом (чтению как слышанию голоса певца) необходимо обратиться к древнегреческой мифологии: в ней алетейя – истина, которую античным поэтам открывали олимпийские музы, требовала провозглашения, поэт в таком случае предстал песнопевцем, он обладал голосом, открывающим истину для многих [11. С. 42–44]. Истину можно и нужно было *услышать*. Даже в пору обращения к письменности греческий мир был довольно равнодушен к написанному тексту: ум свободного гражданина измерялся не количеством прочитанных книг, книга виделась лишь удобным хранилищем информации. В диалоге «Федр» Платон от имени Сократа сетовал: «В этом, Федр, дурная

особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат <...>. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет...» [12. С. 187]. Для греков мудрость в эпоху высокой классики связана со свободно звучащим словом.

Свобода во всех ее проявлениях (свобода выражения мысли, гражданская, творческая свобода) – именно ею были воодушевлены и современники Пушкина. Образ поэта-певца, семантика свободного поэтического голоса, непринужденная беседа поэта с гением-вдохновителем – все это было актуально и для будущих декабристов. К примеру, в полушутливом дружеском послании В.К. Кюхельбекера, насыщенном антологическими ассоциациями, мы читаем:

Не осуждай меня, Евмений:
Я своенравен, как дитя;
Не на заказ и не шутя,
Беседует со мною гений ...

Когда люблю и ненавижу,
Из жизни скорбь и радость пью;
Тогда свободно я пою,
Олимп, бессмертье, Феба вижу...

(В. Кюхельбекер. «К Евмению Осиповичу Криштофовичу», 1823)
[13. С. 129–130].

И хотя раннее дружеское послание Кюхельбекера насыщено античными аллюзиями, желание свободы (в том числе сохранение свободы голоса) было продиктовано для декабристов, в первую очередь, гражданскими, либерально политическими целями, а не анакреонтическими восторгами. Жаждающие действия, декабристы считали открытую, резкую звучащую речь гражданским поступком, проявлением личной независимости. Генезис такого спонтанного речевого поведения восходил к «спартанскому» или «римскому» поведению, в свою очередь, противопоставленному салонно утонченному, нормированному французскому этикету [5. С. 335].

Главные цели жизни поэту-декабристу виделись в том, чтобы воспеть Героя и Свободу, указав тем самым путь развития гражданскому

обществу. Для Кюхельбекера в соперничестве двух видов известности: звенящей славы героя и бессметной славы пиита – победа находилась на стороне последнего, именно певец увенчивает славой бойцов: «Герой, кому венец дарован бранный... / Живет в столетиях, славой осиянный... / Но без хвалы и битвы и победа / Как шумная река бы протекли / И в мире не оставили бы следа, / Да чтят витию племена земли! / Спасает подвиги его *беседа*: / Бойцы бы без него, как сон, прошли...» (В. Кюхельбекер. «Герой и певец», 1829 г.) [13. С. 169] (на память приходит заглавие и сходная сюжетная ситуация более раннего текста – стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», 1812 г.). Так в творчестве русского поэта словно вновь оживают античные поэтологические представления – в гомеровском эпосе слава напрямую сопоставлялась с поэзией: основная задача эпического певца – сохранить для потомков деяния героев, пропеть им гимн, чтобы слышно было «по всей земле» [14. С. 30].

После 1825 г. эти акустические мотивы и образы (звуки славы, песни свободы, вольный голос поэта-певца) получили трагическую окраску, но не исчезли. В стихах Кюхельбекера на смерть Рылеева говорится: «...Блажен и славен мой удел: / Свободу русскому народу / Могучим гласом я *воспел*, / Воспел и умер за свободу!» (В. Кюхельбекер. «Тень Рылеева», 1827 г.) [13. С. 165–167]. Прочитированные строки поэт написал в Шлиссельбургской крепости. В тюремном одиночном заключении, в ссылке же звучащая речь стала высшей ценностью для декабристов. В воспоминаниях братьев Бестужевых есть строки, которые демонстрируют, как тяжело они переживали молчание («Душа рвалась к задушевной беседе», – писал М. Бестужев) [15. С. 169] и как велико было счастье свободного разговора после заключения: «Около половины сентября 1827 года нас четверых: Барятинского, Горбачевского, меня и брата свели вместе... и отправили в Сибирь. Радость наша, когда мы увидели свет Божий и могли свободно говорить была так велика, что мы превратились в ребят: болтали без умолку...» [Там же. С. 186].

В холодных и бескрайних просторах Сибири радость и необходимость живого общения, дружеского разговора только усилились. Неподдельной теплотой и искренней благодарностью наполнены строки сибирского послания В. Кюхельбекера, посвященные А.А. Мордвинову:

Прощай, приятель! не забудь
Отшельника. – В его больную грудь
Живой беседою ты пролил утешенье:
Он говорил с тобой и мог вольней вздохнуть,
И бед и мук своих мгновенное забвеньё
В твоих словах и взорах почерпнуть...

(В. Кюхельбекер. «А.А. Мордвинову», 1841) [13. С. 237].

В сибирском заточении, когда встреча с друзьями стала большой редкостью, все же нашелся выход – спасением оказалось чтение. Социально опасные времена и тревожные политические перемены вновь сделали похожими последекабрьскую Россию и античную эпоху (только теперь это была не классическая Греция, а суровый Рим). В свое время Цицерон, удалившийся от политических баталий в свое имение, писал: «Я помирился со старыми друзьями, то есть со своими книгами... мне было несколько совестно перед ними; ведь мне казалось, что, опустившись до участия в сильнейшей смуте... я недостаточно повиновался их наставлениям...» [16. С. 30]. В суждениях о своей библиотеке Цицерон использует явную метафору – «книги-друзья» и нюансирует ее смысловое наполнение еще одним сопоставлением: книга – это мудрый *наставник* / *учитель*. Находясь уже в Якутске, Александр Бестужев тоже признавался с долей иронии: «...Я здоров благодаря бога и благодаря великодушию монарха, дышу свободно, живу уединенно и беседую более всего с неизменными друзьями – книгами, и нередко Анакреон-Муром летаю в Индию и Америку. Воображение есть лучший ковер-самолет...» [17. С. 493]. В сибирской ссылке метафорическое выражение «книги – неизменные друзья» (после тревожного времени тюремных допросов и доносов) звучит иронично, горько, но с определенной долей надежды, поскольку нельзя отобрать свободу фантазии у вольного читателя.

Конечно, когда было возможно собраться вместе (это случилось в пору пребывания сосланных в Петровском заводе) и когда строгие меры ослабели, а книг стало вдоволь, как свидетельствовали сами декабристы, они читали вслух: «Завелись литературные вечера, ученые лекции и диспуты... Явились люди читать в их присутствии (в присутствии приехавших женщин. – *Н.П.*) литературные произведения не слишком серьезного содержания, и это была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров...» [15. С. 205]. Од-

нако в гнетущей ситуации контроля и одиночества сосланные декабристы вынуждены были читать «про себя», об этом свидетельствуют акварельные рисунки, сделанные рукою Николая Бестужева: на них ссыльные запечатлены в своих комнатах-камерах при Петровском заводе; в каждой комнате стопки книг, а М. Бестужев, Н. Панов и Ф. Вольф изображены погруженными в молчаливое чтение [18. С. 317–323].

И все же в творчестве, переписке, в дневниковых заметках, говоря о книгах, декабристы сохраняют семантику тонального чтения – они *беседуют* с ней. К примеру, вот как В. Кюхельбекер писал в своем сибирском «Дневнике»: «Старик Гомер со мною часика два *разговаривал* после обеда: хочу пользоваться его *беседою* каждый день» (запись от 3 февраля 1832 г.) [19]. Еще одно его же высказывание на этот счет звучит следующим образом: «Для человека в моем положении Краббе бесценнейший писатель: он меня, отделенного от людей и жизни, связывает с людьми и жизнью своими картинами, исполненными истины. Краббе <...> мастер рассказывать – словом, он заменяет мне умного, доброго, веселого приятеля и *собеседника*...» [Там же]. В своем «Дневнике» Вильгельм Карлович чаще употреблял слова – «читал», «прочел»: «Кончил сегодня 10-ю книгу “Илиады” – я ее читал очень лениво» (запись от 25 апреля 1833) [Там же]. Когда же не сдерживал эмоции, то прибегал к своеобразному «оживлению» книги и тогда беседовал, спорил с ее автором. Конечно, в этих беседах с книгами была особая интеллектуальная радость, которую мог знать только переживший заключение.

Как мы показали выше, книга для декабристов оказалась настоящим другом и, как писал позже своей дочери Владимир Раевский, товарищем и учителем: «А я в твои молодые годы / Людей и света не видал... / Я много лет не знал свободы, / Одних *товарищей* я знал / В моем учебном заключеньи, / Где время шло, как день один, / Без жизни, красок и картин, / В желаньях, скуке и ученьи / Там в *книгах* я людей и свет / Узнал...» (В. Раевский. «Дочери») [20. С. 128–129]. Если признание Раевского звучит горько, то слова Кюхельбекера о почти прочтенном тексте трогают теплотой: «Завтра кончу я любезного моего Вальяна: с этою книгою расстанусь, как с другом, я к ней привязался всей душой...» (запись от 21 апреля 1832 г.) [19].

Восстанавливая круг чтения декабристов в Сибири, исследователи приводят длинный список трудов по истории, политике, философии, географии, праву и не менее пространный список художественных текстов, причем в нем значатся не только имена классиков – Гомера, Шекспира, но и имена современников – Карамзина, Пушкина, Батюшкова [21]. О Николае Кривцове его брат писал следующее: «Все завоевания века ему знакомы и близки, и, вернувшись в общество, он будет на одном уровне со всеми, а по существу и выше общего уровня, благодаря размышлениям, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни» (цит. по: [22. С. 49]). М. Лунин в письмах из Сибири, датированных 1843 г. и адресованных М. Волконской, ссылаясь на ценность хороших книг, тоже настаивал: «При помощи подобных источников можно заниматься так же хорошо в Сибири, как и в Германии или во Франции. Разум и суждения даются нам не учителями, а богом. В мире почти столько же университетов, сколько постоянных дворов...» [23. С. 256]. Соглашался с оценкой сибирского заточения и В.Ф. Раевский, он называл «чтение и опыт» – лучшим университетом, а Сибирь считал «самой высшей академией» [24. С. 138]. Действительно, Сибирь предстала своеобразным «университетом», «академией» и «библиотекой» для сосланных. В сибирских просторах звучащая речь приобрела еще большую ценность, потому, эмоционально характеризуя процесс чтения, В. К. Кюхельбекер, А. Бестужев прибегают к звуковым определениям – «разговаривал», «беседовал».

В размышлениях над текстами сосланные чувствовали себя свободными людьми: к примеру, подлинным чтением Александру Бестужеву виделось только то, которое подчинялось требованиям – «читать много», «во всем сомневаться», «все обсудить», поскольку «свой ум лучше чужого остроумия...» [17. С. 494]. «Акомпанировал» такому активному чтению целый спектр библиометафорики, где основными метафорами были «книга-друг, товарищ» «книга-собеседник», «книга-учитель, наставник». Отметим в итоге: осознавая всю серьезность положения декабристов после отправки в Сибирь, их острое желание свободы и необходимость конспирации, в своем послании Пушкин сказал сочувственно и обнадеживающе точно: «Любовь и дружество до вас / Дойдут сквозь мрачные затворы, / Как в ваши каторжные норы / Доходит мой свободный глас...» (А. Пушкин. «Во глубине сибирских руд...») [3. Т. 2. С. 97]. В эпоху, когда повышена

значимость звучащей речи; в ситуации, когда наделен особой ценностью разговор с другом, книга, текст тоже представляли другом, требующим тонального общения – «разговора», обсуждения, «слышания» и «отзыва» на голос друга. Недаром, отзываясь на пушкинские строки, А. Одоевский воскликнул: «Струн вещей пламенные звуки / До слуха нашего дошли...» [25. С. 73], тем самым утвердив, что в едином семантическом пространстве для русских дворян 1810–1820 гг. находились книга, друг, свобода и чтение как проявление этой свободы.

Литература

1. Рейтблат А.И. Чтение вслух как культурная традиция // Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской поры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 30–35.

2. Шарафадина К.И., Проданик Н.В. Культурная практика «чтение вслух» в отечественной традиции: генезис, «сценарии», литературная репрезентация // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 15. С. 72–90.

3. Пушкин А.С. Письмо к издателю // Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1974–1978.

4. Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб. : Академический проект, 1996. 306 с.

5. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство – СПб, 2001. С. 331–384.

6. Лайонс М. Новые читатели в XIX веке: женщины, дети, рабочие // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : ФАИР, 2008. С. 399–442.

7. Батюшков К.Н. Мои пенаты // Батюшков К.Н. Стихотворения. М. : Худ. лит., 1977. С. 75–86.

8. Блюм А.В. Художественная литература как историко-книжный источник (на материале русской литературы XVIII – первой половины XIX в.) // Книга: Исследования и материалы. М. : Наука, 1986. Сб. 52. С. 100–122.

9. Вяземский П.А. Полное собр. соч. кн. П.А. Вяземского. Т. 3: 1808–1827 г. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1880. 460 с.

10. Виролайнен М.Н. Две чаши (о дружеском послании 1810-х годов) // Русские пиры (Альманах «Канун»). Вып. 3). СПб. : Наука, 1998. С. 40–69.

11. Подкорытова Т.И. Прощание с Музой: кризис мусической традиции в поэтологических интенциях Серебряного века // Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций : материалы

XII Всерос. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. федерального ун-та имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. С. 42–51.

12. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. М.: Мысль, 1999. 529 с.

13. Кюхельбекер В.К. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1952. 427 с.

14. Гринцер Н.П. Древнегреческая лирика: значение термина и суть явления // Лирика: генезис и эволюция. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 13–53.

15. Воспоминания братьев Бестужевых. Петроград : Огни, 1917. 379 с.

16. Цицерон. Из писем // Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М.: Книга, 1985. С. 27–34.

17. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М.: Худ. лит., 1981. Т. 2. 592 с.

18. Декабристы-литераторы: Литературное наследство. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 60, кн. 2. 464 с.

19. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. URL: http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0310.shtml (дата обращения: 19.08.2018).

20. Раевский В.Ф. <Дочери> // Декабристы. Антология : в 2 т. Т. 1: Поэзия. Л.: Худ. лит., 1975. С. 127–133.

21. Лобанов В.В. Круг чтения Г.С. Батенькова (опыт реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири. Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск : Наука, 1992. С. 63–100.

22. Дунаева Е.Н. Декабристы и книга. М.: Книга, 1967. 65 с.

23. Лунин М.С. Письма из Сибири. М.: Наука, 1988. 495 с.

24. Раевский В.Ф. Неизвестные письма В.Ф. Раевского (1827–1866) // Литературное наследство. Декабристы-литераторы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 60, кн. 1. С. 129–170.

25. Одоевский А.И. Полн. собр. соч. Л.: Сов. писатель, 1958. 244 с.

The Phenomenon of Reading in the Russian Literature and Culture of the 1800s–1830s and the “Book-Friend” and “Book-Interlocutor” Metaphors

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 22, pp. 58–71

DOI: 10.17223/23062061/22/4

Nadezhda V. Prodanik, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru

Keywords: K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky, W. Kuchelbecker, A.S. Pushkin, Decembrists, “book-friend” metaphors, “book-interlocutor” metaphors, intoned reading practices.

The Russian culture of the beginning of the 19th century, inheriting European traditions, endowed book and reading with special value and, at the same time, strove for sounding speech. Printed text and speech seemed to have made an amazing union: the pronounced printed word turned out to be an important element of social life: a friendly revel, a secret society, a literary salon. Oral speech was a kind of a poet’s creative laboratory (the pronounced word, the colloquial style were to be studied and then repro-

duced in his works), and the rich sound of the poetic word was a measure of the aesthetic value of the text. In a situation of increased interest in a sounding word, a common metaphor for reading was talk or conversation, and the book itself or, metonymically, its author was called an interlocutor, a friend. The explanation of the love of Russian poets for tonal communication with the text (reading as a conversation, hearing the singer's voice), from the author's point of view, lies in ancient Greek mythology: here *aletheia*—the truth that the Olympic muses disclosed to ancient poets—required proclamation. The truth could and had to be heard. Following the ancient poets, Russian poets also called themselves singers because the texts needed to be read aloud with inspiration. The image of the poet-singer and the semantics of a free poetic voice were the components of creativity for all poets of the Pushkin era, including Decembrist poets. After 1825, these acoustic motifs and images (the sounds of fame and freedom, tyrannical songs, the free voice of the poet and singer) received a tragic coloring, but did not disappear. In the cold and boundless expanses of Siberia, the joy and necessity of lively communication, friendly conversation only intensified; here the “book-friend” turned out to be the salvation and replacement of friendly communication. That is why the Decembrists communicated with a “book-friend”. They comprehended the reading of texts in tonal semantics (for example, A.A. Bestuzhev wrote to his relatives: “I talk most of all with my friends who are always with us—books”). The book-friend, book-interlocutor/comrade metaphors are found in the letters and diaries of A.A. Bestuzhev, W. Kuchelbecker, V.F. Raevsky. The bibliography of the Decembrists in Siberia was extensive and diverse: scientific works went next to artistic and philosophical ones, ancient with modern; therefore, for the exiled, the cold space of Siberia was as a kind of a “university”, an “academy” (this is how M.S. Lunin, V.F. Raevsky speak about the years of Siberian reading). Thus, for the Russian noblemen of the 1810s–1830, freedom and reading-talk/conversation as a manifestation of this freedom, the value of a “book-friend”/“book-teacher”/“book interlocutor” turned out to be in a single semantic field.

References

1. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture pushkinskoy pory* [How Pushkin became a genius. Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 30–35.
2. Sharafadina, K.I. & Prodanik, N.V. (2017) The “reading aloud” cultural practice in the Russian tradition: genesis, “scenarios”, literary representation. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 15. pp. 72–90. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/15/5
3. Pushkin, A.S. (1974–1978) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected Works. In 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Todd III, W.M. (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Literature and society in Pushkin's epoch]. Translated from English by A.Yu. Mirolyubova. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

5. Lotman, Yu.M. (2001) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (the 18th – early 19th century)]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 331–384.
6. Lyons, M. (2008) Novye chitateli v XIX veke: zhenshchiny, deti, rabochie [New readers in the 19th century: women, children, workers]. In: Cavallo, G. & Chartier, R. (eds) *Roger Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [Reading History in the Western World from Antiquity to the Present Day]. Translated by M.A. Runova. Moscow: FAIR. pp. 399–442.
7. Batyushkov, K.N. (1977) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 75–86.
8. Blum, A.V. (1986) Khudozhestvennaya literatura kak istoriko-knizhnyy istochnik (na materiale russkoy literatury XVIII – pervoy poloviny XIX v.) [Fiction as a historical and book source (based on Russian literature of the 18th – first half of the 19th centuries)]. In: *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Studies and Materials]. Vol. 52. Moscow: Nauka. pp. 100–122.
9. Vyazemsky, P.A. (1880) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha.
10. Virolaynen, M.N. (1998) Dve chashi (o družeskom poslanii 1810-kh godov) [Two bowls (about the friendly message of the 1810s)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Russkie piry. Al'manakh. Kanun* [Russian Feast. Almanac. Eve]. Issue 3. St. Petersburg: Nauka. pp. 40–69.
11. Podkorytova, T.I. (2017) Proshchaniye s Muzoy: krizis musicheskoy traditsii v poetologicheskikh intentsiyakh Serebryanogo veka [Farewell to Muse: the crisis of the musical tradition in the Silver Age poetical intentions]. *Dergachevskie chteniya – 2016. Russkaya slovesnost': dialog kul'turno-natsional'nykh traditsiy* [The Dergachev Readings – 2016. Russian literature: dialogue of cultural and national traditions]. Proc. of the 12th International Conference. Ekaterinburg: Ural Federal University. pp. 42–51.
12. Plato. (1999) *Fedon, Pir, Fedr, Parmenid* [Plato. Phaedo, The Symposium, The Phaedrus, Parmenides]. Moscow: Mysl'.
13. Kuchelbecker, W.K. (1952) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
14. Grintser, N.P. (2007) Drevnegrecheskaya lirika: znachenie termina i sut' yavleniya [Ancient Greek lyrics: the meaning of the term and the essence of the phenomenon]. In: Matyushina, I.G. & Neklyudov, S.Yu. *Lirika: genesis i evolyutsiya* [Lyrics: Genesis and Evolution]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 13–53.
15. Shchegolev, P.E. (ed.) (1917) *Vospominaniya brat'ev Bestuzhevyykh* [Memoirs of the Bestuzhev brothers]. Petrograd: Ogni.
16. Cicero. (1985) Iz pisem [From letters]. In: Elvova, V.A. (ed.) *Biblioteka v sadu. Pisateli antichnosti, srednevekov'ya i Vozrozhdeniya o knige, chtenii, bibliofil'stve* [Library in the Garden. Writers of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance about the Book, Reading, Bibliophilia]. Moscow: Kniga. pp. 27–34.

17. Bestuzhev-Marlinsky, A.A. (1981) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Dekabristy-literatory: Literaturnoe nasledstvo* [Decembrists-Writers: Literary Heritage]. Vol. 60(2). Moscow: AS USSR.
19. Kuchelbecker, W.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka.
20. Raevsky, V.F. (1975) <Docheri> [<Daughters>]. In: Orlov, V.I. (ed.) *Dekabristy. Antologiya: V 2 t.* [Decembrists. Anthology: In 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 127–133.
21. Lobanov, V.V. (1992) Krug chteniya G.S. Baten'kova (opyt rekonstruktsii) [G.S. Batenkov's range of reading (an attempt of reconstruction)]. In: Guzman, I.A. & Dergacheva-Skop, E.I. (eds) *Russkaya kniga v dorevolutsionnoy Sibiri. Rukopisnaya i pechatnaya kniga na vostoke strany* [The Russian book in pre-revolutionary Siberia. Handwritten and printed books in the east of the country]. Novosibirsk: Nauka. pp. 63–100.
22. Dunaeva, E.N. (1967) *Dekabristy i kniga* [Decembrists and the Book]. Moscow: Kniga.
23. Lunin, M.S. (1988) *Pis'ma iz Sibiri* [Letters from Siberia]. Moscow: Nauka.
24. Raevsky, V.F. (1956) Neizvestnye pis'ma V.F. Raevskogo (1827–1866) [V.F. Raevsky's unknown letters (1827–1866)]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) (1956) *Dekabristy-literatory: Literaturnoe nasledstvo* [Decembrists-Writers: Literary Heritage]. Vol. 60(2). Moscow: AS USSR. pp. 129–170.
25. Odoevsky, A.I. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.